

Глаголы *heita* и *vera* как хрономаркеры в древнеисландских генеалогических перечнях

Елена В. Литовских

*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия,
elitovskih@mail.ru*

Аннотация. Исландские генеалогии, дошедшие до нас в средневековых нарративных источниках (в первую очередь в родовых сагах и в «Книге о занятии земли») имеют формализованную структуру. В текстах они представлены в виде поколенных росписей. Однолинейных (только нисходящих или восходящих) генеалогических перечней в источниках крайне мало, в большинстве случаев в них учитываются родственники как по мужской, так и по женской линии. Порядок перехода с одной генеалогической линии на другую в поколенных росписях был достаточно строго регламентирован, для описания смены счета родства использовались различные глаголы (*heita*, *vera* и *eiga* в pret.). В результате проведенного анализа видно, что с помощью глагола *heita* обозначались люди, как правило, жившие на момент действия сагового сюжета (или – для «Книги о занятии земли» – заселения острова), поскольку они так или иначе принимали участие в его развитии; а жившие ранее описываемых в саге событий обозначались при помощи глагола *vera*. Следовательно, эти два глагола можно использовать в качестве дополнительных хрономаркеров для уточнения как времени фиксации поколенных росписей, так и времени действия в сагах.

Ключевые слова: источниковедение, родовые саги, «Книга о занятии земли», генеалогия, структура текста, датирующие элементы

Для цитирования: Литовских Е.В. Глаголы *heita* и *vera* как хрономаркеры в древнеисландских генеалогических перечнях // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 5. С. 70–79. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-70-79

The verbs *heita* and *vera* as chronomarkers in Old Icelandic genealogical lists

Elena V. Litovskikh

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, elitovskikh@mail.ru*

Abstract. The Icelandic genealogies which have come down to us through medieval narrative sources, primarily in family sagas and *Landnámabók*, possess a formalised structure. In the texts, they are presented in the form of *ahnentafel*. There are very few single-line genealogical lists (only ascending or descending) in the sources; in most instances, they consider relatives from both the male and female lines. The order of transition from one genealogical line to another in generational lists was strictly regulated; various verbs were employed to describe the change in the count of kinship (*heita*, *vera*, and *eiga* in the preterite). The analysis conducted in the article revealed that the verb *heita* was used to refer to individuals who, as a general rule, lived during the time of the saga's action (or – in the case of *Landnámabók* – the island's settlement) as they participated in the development of its plot; conversely, those who lived prior to the saga's events were designated by the verb *vera*. Consequently, these two verbs can serve as additional chronomarkers to illuminate both the time of recording of the *ahnentafel* and the time of action in the sagas.

Keywords: source criticism, family sagas, *Landnámabók*, genealogy, text structure, dating elements

For citation: Litovskikh, E.V. (2025), "The verbs *heita* and *vera* as chronomarkers in Old Icelandic genealogical lists", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 5, pp. 70–79, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-70-79

Генеалогии средневековых исландцев дошли до нас в составе различных письменных источников: родовых саг и «Книги о занятии земли» (*Landnámabók*). Поскольку генеалогические перечни в исландских родовых сагах выполняли определенные художественные функции (они входили в вводную характеристику персонажа и помогали раскрыть его место в саговом повествовании [Hume 1973, p. 594]), они представляли собой лишь часть реального генеалогического древа персонажа, ту часть, которая была необходима для развития сюжета, а их подробность и полнота определялись значимостью роли персонажа в саге [Литовских 2004, с. 131–132 с библиографией]. Более полные генеалогии можно восстановить

при сопоставлении нескольких саг, в которых действуют или хотя бы упоминаются одни и те же персонажи.

Генеалогические перечни «Книги о занятии земли» имели свою, отличную от генеалогических перечней родовых саг, функцию. Они были призваны обосновать владельческие права на ту или иную территорию [Pálsson 1988], соответственно, представляли череду наследников конкретного хутора. Части генеалогического древа одного и того же исландского рода порой оказывались расположенными в разных главах «Книги», в зависимости от того, где проживала та или иная ветвь семьи. Большинство исландских семей (особенно наиболее знатные из них) по истечении первых веков после переселения на остров оказались тесно связаны узами перекрестных браков, из чего также вытекает расположение фрагментов генеалогий в разных местах текста «Книги» (чаще в форме отсылки к уже упомянутому фрагменту, реже – его дублирования). Родословия «Книги», хотя по ним и принято сверять саговые генеалогии [Hafstað 2001], также не являются полными. Только перекрестный анализ генеалогических перечней родовых саг и генеалогических перечней «Книги» позволяет реконструировать наиболее полные – насколько это возможно с учетом сохранности источникового материала – родословия средневековых исландцев.

Исландские генеалогии как в текстах родовых саг, так и в «Книге о занятии земли» представлены в виде поколенных росписей. Язык этих росписей достаточно строго формализован [Литовских, Рейер 2020, с. 151–155].

Субъектом сагового генеалогического описания (лицом, от которого возводится родословная) был вводимый в повествование персонаж (об этом типе построения исландских родословных писала К. Хаструп [Hastrup 1985, p. 103]). Такой порядок не был единственно возможным для исландских родословий, поскольку его прямую противоположность представляют собой генеалогические перечни «Книги об исландцах» и «Книги о занятии земли»: они нисходящие, а их субъектами были, как правило, первопоселенцы.

По своей внутренней структуре исландские генеалогические росписи также были строго формализованы. Как правило, они представляли собой перечисление типа: *hann var Xson Ysonar Zsonar* («Он был сын X, сына Y, сына Z» (ср.: Brennu-Njáls saga, bls. 3; Landnámabók, bls. 97) с преобладающим использованием глагола *vera* в pret., что вполне логично, поскольку повествование как в текстах источников, так и в поколенных росписях ведется в прошедшем времени. Ее разновидностью для нисходящей прямой линии можно считать формулу *hann var faðir Xs föður Ys föður Zs* («Он был отцом X, отца Y, отца Z» (Landnámabók, bls. 58).

Данные обороты использовались независимо от участия упоминаемых лиц в развитии сагового сюжета. Вводные формулы с глаголом *heita* по отношению к линии сына встречаются лишь в единичных случаях, и это было, скорее всего, обусловлено стилистически, а не их ролью в развитии сюжета (для «Саги о Ньяле» это *sonr hans hét N* «Его сына звали Н» – Brennu-Njáls saga, bls. 62, 106; и *N hét sonr hans* «Н звали его сына» – Brennu-Njáls saga, bls. 293).

Поскольку наследование в средневековой Исландии велось не только по мужской, но и по женской линии (Grágás, Ia, bls. 142), как в родовых сагах, так и в «Книге о занятии земли», родственные связи учитывались также по обеим линиям. Однако по нисходящей генеалогической линии какие-либо закономерности можно выявить лишь относительно мужчин, так как сведений по женской нисходящей линии, имеющих в текстах источников, недостаточно для их анализа. В женском варианте встречаются все возможные виды вводных формул *hans dóttir var N* («Его дочерью была Н»), *N hét dóttir* («Н звали его дочь») и *hann átti dóttur er N hét* («У него была дочь, которую звали Н»), но они единичны, закономерности их употребления выявить не удастся.

Счет родства через дочь (*dóttir*) представляет собой в большинстве случаев отсылку к известному родословию через упоминание имени отца и является женским вариантом патронима. Поскольку патроним – наряду с прозвищем и родовым топонимом – входил в полное именование, идентифицирующее средневекового исландца (подробнее см. [Литовских 2022, с. 98–103]), его женский вариант гораздо более широко использовался не в поколенных росписях, а в саговом нарративе.

* * *

Только одну прямую генеалогическую линию без ответвлений представляло лишь небольшое число исландских генеалогических перечней – в среднем 18% от общего числа встречающихся в нарративных источниках родословных. Смена принципа ведения линии или переход к другому ответвлению (достаточно часто встречающиеся в средневековых исландских генеалогических росписях) обозначались различными способами в зависимости от родственных связей с человеком, через имя которого эти изменения осуществлялись.

Переход на другую линию счета родства мог происходить как по вертикали (через мать или дочь), так и по горизонтали (через сестру или жену). Порядок перехода к другим ответвлениям в генеалогических росписях был достаточно строго регламентирован. В первую очередь описание велось по прямой мужской восходящей

линии. После ее завершения включались ответвления по женской линии, сначала по линии матери, затем – жены. Множественные дополнительные ответвления по линии матери вводились, как правило, по степени древности, начиная с самых хронологически близких. Когда возникала необходимость обозначить кого-либо из предков, связанных с прямой мужской линией, но непосредственно в нее не входящих, они упоминались перед ответвлениями по материнской линии. Таким образом, явно отдавалось предпочтение мужской генеалогической цепи перед женской, хотя предки по женской линии не игнорировались. В самом конце генеалогического перечня располагались ответвления по линиям братьев и сестер или по нисходящей линии (см., например: *Egils saga*, bls. 6; *Landnámabók*, bls. 144). Тем самым выдерживался общий хронологический порядок перечисления.

Непосредственный счет родства через мать (*móðir*) – иногда на протяжении нескольких колен – ведется в нисходящих генеалогических линиях. В этом случае используется оборот *X var móðir Ys, móður Zs* («X была матерью Y, матери Z») с вариациями. Нисходящие линии присутствуют как в родовых сагах, так и в «Книге о занятии земли», поскольку их генеалогические перечни строятся вокруг вводимого в повествование персонажа, следовательно, в том случае, когда требуется актуализировать его родственные связи с выдающимися исландцами последующих поколений, счет родства и ведется по нисходящей линии. Причем это именно доведение до какого-либо известного человека, а не учет всех нисходящих родственных связей: в разных главах «Книги» приводятся различные фрагменты гораздо более обширного реального генеалогического древа.

Смена линии при параллельном счете родства по материнской линии выражалась в следующих формулах: *móðir hans hét N ok var dóttir Xs* («Его мать звали N и <она> была дочерью X») и *móðir hans var X dóttir Ys* («его матерью была X, дочь Y») – т. е. с одновременным использованием двух глаголов, *heita* и *vera*, – употребление которых распределяется примерно поровну (подробнее об употреблении этих формул в поколенных росписях «Саги о Ньяле» с полной выборкой см.: [Литовских 2004, с. 140]).

При этом с помощью глагола *heita* обозначались, как правило, живущие на момент действия сагового сюжета женщины (или – для «Книги о занятии земли» – заселения острова), поскольку они так или иначе принимали участие в его развитии; а жившие до описываемых в саге событий обозначались при помощи глагола *vera*. О том же, что на момент записи саги никого из действующих лиц не было в живых, свидетельствовало дополнение в формуле глагола *heita* глаголом *vera*. Выбор того или иного глагола никак не отра-

жал стремления разнообразить повествование, избегая повторов. Различия в употреблении вариантов этой формулы хорошо видны в следующем случае: «Хердис звали (*hét*) мать Торлауг, и <она> была (*var*) дочерью Торда, сына Бьёрна Масла, сына Хроальда Бури, сына Бьёрна Железнобокого, сына Рагнара Кожаные Штаны, сына Сигурда Кольца, сына Рангвера, сына Радбарда. Матерью Хердис, дочери Торда, была (*var*) Торгерд, дочь Скиди. Ее матерью была (*var*) Фридгерд, дочь Кьярваля, ирландского конунга» (“*Herdís hét móðir Þorlaugar ok var dóttir Þórdar at Höfða Bjarnarsonar byrðusmjörs Hróaldssonar hryggs Bjarnarsonar járnsíðu Ragnarssonar loðbrókar Sigurðarsonar hrings Randvéssonar Ráðbardssonar. Móðir Herdísar, dóttir Þórdar, var Þorgerðr Skíðadóttir. Hennar móðir var Friðgerðr dóttir Kjarvals Írakonung*“ – *Brennu-Njáls saga*, bls. 259).

Счет родства через жену был наиболее распространенным из переходов на другую линию счета родства, присутствующим практически в каждом генеалогическом перечне родовых саг и «Книги». В генеалогических перечнях в подавляющем большинстве он выражался формулой *hann / er átti X* – «он / который женился на X» (оборот *hans kóna var X* «его женой была X» встречается в перечнях только в единичных случаях). Использование глагола *eiga* в pret., помимо своего основного значения («владеть, жениться»), служило здесь показателем смены горизонтальной линии родства. Формула *hann átti* знаменовала собой переход через родство по браку на другую генеалогическую линию (см. об этом [Hastrup 1985, pp. 102–103]), одновременно подчеркивая приоритет мужских персонажей, поскольку обратные формулы, где бы субъектом была женщина – типа «ее мужем был X», – в поколенных росписях отсутствуют. Высокая частота употребления данного оборота была связана с необходимостью учитывать происхождение не только со стороны отца, но и со стороны матери, которой приходилась сыну протагониста его жена.

Реже глагол *eiga* употреблялся по отношению к другим агентам перехода (*Hann átti son er X hét*, – «У него был сын, которого звали X», – *Brennu-Njáls saga*, bls. 172, 225). Его употребление в этом качестве было определено стилистически.

Поскольку в поколенных росписях родовых саг и «Книги о занятии земли» была важна отсылка (по крайней мере сокращенная – в форме патронима или упоминания последних двух колен родословной) к роду, то и выбирался тот его член, по имени которого легче всего восстанавливалась вся опущенная генеалогическая цепочка. Основными персонажами как родовых саг, так и «Книги» были мужчины, поэтому отсылки на родство женщин приводили к родственникам-мужчинам.

В том случае, когда женщина, через имя которой осуществлялся переход на другую генеалогическую линию, играла также достаточно большую роль в развитии сюжетной линии саги, формула перехода могла быть аналогичной формуле введения мужского персонажа: *X hét kona hans* («X звали его жену»). Однако в сагах такие примеры исключительны, а в «Книге о занятии земли» данная формула применительно к женщинам используется только два раза, когда первопоселенки не только сами заняли землю, но и по их именам (Арибьёрг и Торунн) была названы хутора (*Landnámabók*, bls. 86, 360). При этом оборот *hans kóna var X* встречается в генеалогических перечнях только в единичных случаях.

Функциональное распределение глаголов *heita* и *vera* было типичным, хотя и не столь обязательным, и для других составных компонентов фраз, обозначающих переход на другую генеалогическую линию. Соответственно, формулы, имеющие компонент *bróðir* (переход на линию брата), чаще всего включали в себя глагол *heita* (*X hét bróðir hans*, – «его брата звали X»). Однако при переходе на эту линию могла употребляться и формула *bróðir hans var X* («его братом был X»), причем какой-либо четкой закономерности в выборе глагола не прослеживается.

Переход на линию сестры осуществлялся как при помощи глагола *vera* (*N var systir Xs* – «N была сестрой X»), так и глагола *heita* (*N hét systir hans* – «N звали его сестру»), но выявление каких-либо закономерностей в связи с нерепрезентативностью выборки не представляется возможным. При наличии в ответвлении, ведущемся по линии сестры, достаточно известного в исландском обществе человека мог употребляться и оборот, не содержащий никаких глагольных вставок (например: *Þórdís Súrsdóttir systir Gísla* – «Тордис, дочь Кислого, сестра Гисли», – *Brennu-Njáls saga*, bls. 261).

Счет родства через сестру (*systir*) вводил женщин в родословия через братьев, т. е. родственников-мужчин. Нет ни одного упоминания в источниках, когда бы оборотом *X systir Ys* («X сестра Y») были связаны две женщины. Представление в генеалогических перечнях кого-либо в качестве сестры встречается в тех случаях, когда брат оказывался более известным и знаковым представителем рода, чем отец упомянутых сиблингов. При этом среди переходов на женскую линию счета родства чаще всего встречаются отсылки к брату в расширенной форме, когда обозначение сестринства добавляется после патронима (по формуле *X átti Y Z-dóttur, systur Ns* – «X женился на Y, дочери Z, сестре N», – например, *Landnámabók*, bls. 42). Однако в поколенных росписях «Книги о занятии земли» есть и совсем краткие отсылки к брату, без патронима (по формуле *X átti Y systur Zs* – «X женился на Y, сестре Z», – *Landnámabók*, bls. 72).

Отношение сестринства в этом случае не дублирует, а заменяет патроним. Следует отметить, что братьями в этих сокращенных вариантах репрезентации женщин, как правило, являются перво-поселенцы, т. е. именно их статус и место жительства оказываются для исландской аудитории важнее, чем сохранение традиционности именования через патроним [Литовских 2021].

Таким образом, при переходе на другие линии счета родства с помощью глагола *heita* (в оборотах типа *X hét systir hans*) в том случае, когда это позволяет источниковая выборка, обозначались, как правило, живущие на момент действия сагового сюжета (или – для «Книги о занятии земли» – заселения острова), поскольку они так или иначе принимали участие в его развитии; а жившие до описываемых в саге событий обозначались при помощи глагола *vera* (например, *X var systir hans*). Функциональное распределение глаголов *heita* и *vera* было типичным, хотя и не столь обязательным, и для других составных компонентов фраз, обозначающих переход на другую генеалогическую линию. Следовательно, их можно использовать в качестве дополнительных хрономаркеров для уточнения как времени фиксации поколенных росписей, так и времени действия в сагах. Глагол *eiga* таким датирующим элементом служить не может, он лишь маркирует переход на другую генеалогическую линию.

Источники

- Brennu-Njáls saga – Brennu-Njáls saga / Einar Ólafur Sveinsson gaf út (ÍF; 12). Reykjavík: Hið Íslenska fornritafélag, 1954. 463 bls.
- Egils saga – Egils saga Skallagrímssonar / Sigurður Nordal gaf út (ÍF; 2). Reykjavík: Hið Íslenska fornritafélag, 1933. 320 bls.
- Grágás 1992 – Grágás. *Lagasafn íslenska þjóðveldisins* / Gunnar Karlsson, Kristján Sveinsson, Möður Árnason. Reykjavík: Mál og menning, 1992. 567 bls.
- Landnámabók – Landnámabók // Íslendingabók. Landnámabók / Jakob Benediktsson gaf út (ÍF; 1). Reykjavík: Hið Íslenska fornritafélag, 1986. Bls. 1–397.

Литература

- Литовских 2004 – Литовских Е.В. Генеалогические перечни в структуре «Саги о Ньяле» // Древнейшие государства Восточной Европы: 2002 г. Генеалогия как форма исторической памяти / отв. ред. И.Г. Коновалова. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2004. С. 129–142.

- Литовских 2021 – *Литовских Е.В.* Терминология родства в «Саге о Ньяле» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. Вып. 4. С. 53–60.
- Литовских 2022 – *Литовских Е.В.* Способы идентификации средневековых исландцев // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2022. № 7. С. 95–116.
- Литовских, Рейер 2020 – *Литовских Е.В., Рейер И.А.* Лингвистические особенности структуры *Sturlubók* // Вестник Московского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2020. Вып. 5 (834). С. 145–158.
- Hafstað 2001 – *Hafstað B.* Egils saga, Njáls saga, and the shadow of Landnámabók. The work methods of the saga-writers // *Sagnaheimur. Studies in honor of Hermann Pálsson* / ed. by Á. Egilsdóttir, R. Simek. Wien, 2001. S. 21–38.
- Hastrup 1985 – *Hastrup K.* Culture and history in Medieval Iceland. An anthropological analysis of structure and change. Oxford: Claredon Press, 1985. 285 p.
- Hume 1973 – *Hume K.* Beginnings and ending in the Icelandic family sagas // *Modern Language Review*. 1973. Vol. 68. P. 593–606.
- Pálsson 1988 – *Pálsson H.* A foundation myth in Landnámabók // *Mediaeval Scandinavia*. 1988. Vol. 12. P. 24–28.

References

- Hafstað, B. (2001), “Egils saga, Njáls saga, and the shadow of Landnámabók. The work methods of the saga-writers”, in Egilsdóttir, Á. and Simek, R., eds., *Sagnaheimur. Studies in honor of Hermann Pálsson*, Wien, Österreich, pp. 21–38.
- Hastrup, K. (1985), *Culture and history in Medieval Iceland. An anthropological analysis of structure and change*, Claredon Press, Oxford, UK.
- Hume, K. (1973), “Beginnings and ending in the Icelandic family sagas”, *Modern Language Review*, vol. 68, pp. 593–606.
- Litovskikh, E.V. (2004), “Genealogical lists in the structure of *Brennu-njáls saga*”, in Konovalova, I.G., ed., *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy: 2002 g. Genealogiya kak forma istoricheskoi pamyati*, Universitet Dmitriya Pozharskogo, Moscow, Russia, pp. 129–142.
- Litovskikh, E.V. (2021), “Kinship terminology in *Brennu-njáls saga*”, *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, iss. 4, pp. 53–60. DOI: 10.52452/19931778_2021_4_53.
- Litovskikh, E.V. (2022), “Ways to identify Medieval Icelanders”, *Al'manakh severo-evropeiskikh i baltiiskikh issledovaniy*, no. 7, pp. 95–116. DOI: 10.15393/j103.art.2022.2221.
- Litovskikh, E.V. and Reyer, I.A. (2020), “Linguistic features of the structure of the *Sturlubók* structure”, in *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki*, vol. 834, no. 5, pp. 145–158.
- Pálsson, H. (1988), “A foundation myth in Landnámabók”, *Mediaeval Scandinavia*, vol. 12, pp. 24–28.

Информация об авторе

Елена В. Литовских, кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-кт, д. 32а; elitovskih@mail.ru

Information about the author

Elena V. Litovskikh, Cand. of Sci. (History), Institute of World History of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32a, Leninsky Av., Moscow, Russia, 119334; elitovskih@mail.ru